

Заглавие статьи	ВОЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА (МАНИФЕСТ ПЕТРА III И СОСЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕКАТЕРИНЫ II)
Автор(ы)	Е. Н. МАРАСИНОВА
Источник	Российская история , № 4, 2007, С. 21-33
Рубрика	• Статьи
Место издания	Москва, Россия
Объем	57.6 Kbytes
Количество слов	7494
Постоянный адрес статьи	http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12435252

ВОЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА (МАНИФЕСТ ПЕТРА III И СОСЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕКАТЕРИНЫ II)

Автор: Е. Н. МАРАСИНОВА

В истории российского господствующего класса "Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству" 1762 г. считается "событием, определившим все последующее социальное развитие высшего сословия", "поворотным моментом в законодательной политике абсолютизма", "крупнейшим актом сословно-правовой политики"¹. Однако этими оценками единоклюсы специалистов и ограничивается. В историографии существуют различные точки зрения по поводу причин издания, реального воплощения и результатов этого по-своему загадочного документа российской монархии, который был подписан во время чрезвычайно короткого и невнятного правления, но имел колоссальные последствия, давшие, правда, о себе знать с наибольшей очевидностью лишь спустя несколько десятилетий.

Диапазон сформулированных в научной литературе причин появления Манифеста колеблется от курьезных обстоятельств личных увлечений лишенного всякой политической воли ограниченного правителя² до продуманной линии мыслящего государственного деятеля³. Среди всего многообразия высказанных в историографии мнений можно условно выделить экономические, социальные и политические причины высочайшего пожалования дворянству свободы.

В ряде работ издание Манифеста непосредственно связывается с ликвидацией условного землевладения и превращением дворянства в сословие вотчинников, чьи землевладельческие права приходили все в большее противоречие со служебными обязанностями⁴. К этой точке зрения примыкает наиболее распространенное в историографии мнение о настойчивом стремлении самого дворянства к свободе от тягостной государственной повинности⁵, что проявлялось в требованиях, проектах, прошениях и, главное, пассивном уклонении от службы⁶. Как справедливо заметила И. В. Фаизова, особую заинтересованность в ослаблении служебного бремени проявляли военные: "Обязательная служба... на десятилетия отрывала помещика от дома и хозяйства, которое из-за его отсутствия приходило в упадок; опасные условия службы, особенно во время походов, создавали постоянную угрозу жизни дворянина, а неустроенность быта и скудный рацион питания приводили к широкому распространению в русской армии таких тяжелых болезней как, например, чахотка и цинга". Автор полагает, что именно средние и нижние офицерские чины особенно настойчиво добивались ограничения срока

обязательной службы, которое было, наконец, введено Манифестом от 31 декабря 1736 г. и равнялось 25 годам. Этот документ признается в исследовательской литературе первым шагом на пути освобождения дворянства. Вторым стал Манифест 1762 г.⁷

В ряду непосредственных причин отмены обязательного характера службы специалисты называют и собственно государственные интересы российского абсолютизма. В историографии довольно широко распространено мнение, что к началу 1760-х гг. самодержавие не нуждалось более в сохранении всеобщей служебной повинности для господствующего класса ни для укомплектования офицерского состава армии, ни для пополнения чиновничьего аппарата. За десятилетия действия Табели о рангах в результате личной выслуги лишенных имений разночинцев и обнищания помещиков сложился слой профессиональных чиновников. С. М. Троицкий отмечал, что "формирование бюрократии было важнейшим фактором, подготовившим "освобождение" правя-

* **Марасинова Елена Нигметовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

стр. 21

щего класса от обязательного характера государственной службы". С одной стороны, у власти был кадровый резерв, с другой - не хватало средств платить всем обязанным служить. Своеобразный избыток находящихся на службе дворян еще более усилился после окончания Семилетней войны. В этих условиях, по мнению Р. Джоунса, Манифест стал эффективным средством демобилизации офицеров. М. Раев же со свойственным ему импрессионизмом формулировок задается вопросом о смысле термина "освобождение" применительно к Манифесту о вольности - государство освободило дворянство или же абсолютная власть сама освободилась от дворян-дилетантов в армии и аппарате управления⁸.

Наконец, одной из причин освобождения дворянства от обязательной службы специалисты считают и известное ослабление самодержавной власти в царствование Петра III. Еще в XIX в. многие ученые полагали, что обделенный политическим талантом монарх боялся дворцового переворота, а потому пытался любыми средствами завоевать расположение дворянства. Страх чуждого даже для придворной российской среды монарха, борьба партий, политические интриги заставили престол пойти на компромисс с элитой⁹.

Перечисление всех этих по большей части аргументированных точек зрения наводит на мысль, что Манифест о вольности дворянства стал закономерным следствием сложнейшего переплетения экономических обстоятельств, сословных устремлений и политической конъюнктуры. Между тем в историографии наряду с многообразными трактовками причин издания этого документа существуют самые различные и порой взаимоисключающие оценки его значения и социальной сущности.

Согласно наиболее авторитетной точке зрения, принадлежащей некоторым известным историкам XIX столетия и современным признанным специалистам, Манифест в конечном итоге санкционировал полное и исключительное право дворянства на землю, крестьян, "праздное времяпрепровождение и безделье"¹⁰. Б. Н. Миронов, прослеживая непосредственную связь между петровским законодательством и освобождением

дворянства, пришел к выводу, что длительный процесс постепенного раскрепощения сословий начался с дворянства и означал ликвидацию государственного крепостничества. Как указывает автор, уравнение статуса вотчины и поместья в 1714 г. и закрепление персонально за каждым дворянином всех крестьян его имения указом 1719 г. чрезвычайно расширили владельческие права высшего сословия. Однако до Манифеста о вольности владение землей и крестьянами обуславливалось государственной службой, т.е. распорядиться помещьем и крепостными как своей собственностью мог только служащий или находящийся в законной отставке дворянин. В случае уклонения последнего от службы земля становилась собственностью государства. В феврале 1762 г. высшее сословие получило свободу от обязательной службы, но сохранило право собственности на крестьян и имения¹¹.

Эти рассуждения не исчерпывают, однако, всей сложности сословной политики абсолютизма, изменения которой были зафиксированы в Манифесте. Как пишет О. А. Омельченко, "Манифест включал и общие правовые положения публично-правового характера о новых началах во взаимоотношении власти монарха и дворянского сословия, и конкретные правовые нормы о "новоучреждаемых" правах и привилегиях дворянства"¹². Абсолютно справедливо указывая на глубокую трансформацию отношений власти и высшего сословия¹³, большинство специалистов, тем не менее, основное внимание обращают на непосредственное изменение условий службы дворянства.

Таким образом, общий пафос Манифеста, его идеологическая составляющая лишь периодически затрагиваются в исследовательской литературе¹⁴. Между тем анализ терминологии и политической символики этого документа, интерпретация противоречивого сочетания в нем приоритетов самодержавия и этических ценностей Просвещения, выявление доктрин, непосредственно воздействующих на мотивацию подданных, обогатили и, вероятно, в какой-то мере изменили бы общую трактовку сословной политики абсолютизма в отношении дворянства.

стр. 22

После выхода указа 1714 г. о единонаследии и Манифеста о вольности дворянства личная зависимость помещика от монарха, укрепляемая на протяжении столетий условной системой землевладения и обязательным характером службы, была лишена экономической и правовой аргументации. Отношения дворянства и власти принципиально изменились. Как ни парадоксально, важнейшим этапом дальнейшего развития и усложнения идеологической составляющей сословной политики престола стал Манифест о вольности дворянства¹⁵. Этот небольшой по объему документ включал преамбулу, кратко излагающую государственную доктрину отношений монархии и высшего сословия, основную часть, содержащую конкретизацию ее реального воплощения, и своеобразную заключительную резолюцию, разъяснявшую свободу, предоставляемую "благородному дворянству"¹⁶. Манифест открывался официальной интерпретацией усилий власти, направленных на воспитание высшего сословия, от результативности которых в значительной степени зависел успех самодержавного правления. Для общественного сознания второй половины XVIII в. актуальная история господствующего класса и история державы в целом начинались с царствования Петра I, чей авторитет превратился в знаковое обоснование многих последующих указов престола. В Манифесте главные цели политики самодержавия формулировались в соответствии с системой ценностей Просвещенного абсолютизма и эмоционально окрашивались неуклонным стремлением России встать вровень с "регулярными народами", которое

было задано еще первым императором. "Бессмертные славы премудрый Монарх, Любезный Государь Дед Наш, Петр Великий и Император Всероссийский, какую тягость и коликие труды принужден был сносить единственно для благополучия и пользы отечества своего, возводя Россию к совершенному познанию, как военных, гражданских, так и политических дел, тому не только вся Европа, но и большая часть света неложный свидетель"¹⁷.

Единственной социальной опорой монархии в достижении "преимуществ просвещенных держав" Манифест признавал "благородное дворянство", "яко главный в государстве член". Затем кратко излагалась почти 50-летняя история отношений высшего сословия и власти. Приобщение к просвещению и государственной службе возводилось в ранг непреложного патриотического долга дворянства, иногда под угрозой штрафов и конфискации имений "нерадивых о добре общем". Напоминалось, что всеобщая служба и обязательное получение образования "в начале частью казались тягостными и несносными для дворянства". Высшее сословие не желало "лишаться покоя, отлучаться домов, продолжать против воли своей самим военную и другие службы, и детей своих в оных записывать". Однако "обучение свободным наукам и полезным художествам" в европейских университетах и "учрежденных внутри России разных училищах", "вступление в военные и гражданские службы", хотя и было "вначале несколько и с принуждением сопряжено", принесло свои плоды. В правление Елизаветы Петровны власть упорно продолжала формировать у дворянина государственное сознание. Императрица, "подражая делам родителя своего, знание политических дел и разные науки распространила и умножила под своим покровительством в Российской державе".

В результате целенаправленных усилий престола в течение нескольких десятилетий сформировалась мощная социальная опора самодержавия в лице преданного власти образованного сословия. Далее в Манифесте перечислялись этические и гражданские качества, которые монархия воспитала в "благородном сословии": радение об общей пользе; здравый рассудок, полезное знание; прилежность к службе искусных и храбрых генералов, сведущих и годных людей в гражданских и политических делах. Именно эти черты высшего сословия предопределили возможность отмены обязательного характера службы¹⁸. "Благородные мысли, - говорилось в Манифесте, - вкоренили в сердцах истинных России патриотов беспредельную к Нам верность и любовь, великое усердие и отменную в службе Нашей ревность, а потому и не находим Мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была".

стр. 23

Вслед за общеполитической преамбулой разъяснялись условия продвижения представителей высшего сословия по чиновной лестнице, выхода в отставку, а также отъезда за пределы России и службы другим европейским монархам. В целом в документе признавалась "вольность службу продолжать, как в нашей империи, так и в прочих европейских союзных нам державах", поскольку "по сему Нашему все милостивейшему установлению никто уже из дворян российских неволею службу продолжать не будет". Однако дарованная свобода ограничивалась в 9 поясняющих параграфах.

Военные не имели права выйти в отставку во время кампании и за 3 месяца до ее начала. После окончания военных действий первые 8 классов могли покинуть службу лишь по высочайшей конфирмации, нижние чины - по решению департаментов. При просьбе об увольнении "от всех дел" чиновный статус дворянина повышался на один ранг, если он

состоял в нем более года. В случае перехода с военной на гражданскую службу карьерный рост был возможен при условии службы в одном чине в течение 3 лет. Однако эти льготы предоставлялись лишь "за благопорядочную и беспорочную службу".

В пункте 3 Манифеста говорилось, что дворяне могут возобновить военную службу после отставки или после статской службы, "есть ли их к тому достоинства окажутся". Кроме того, государство стремилось всячески поощрять тех представителей высшего сословия, кто не уходил в отставку, не менял род деятельности, а честно служил, пока другие дворяне наслаждались жизнью вольных помещиков. Возвращение последних на службу могло произойти только "старшинством младшими пред всеми теми, кои с ними, когда они из военной службы уволены, в одних рангах состояли; есть ли же таковые все уже повышены будут, то может и определяющийся в военную службу старшинство получить... сие для того постановляем, дабы служащие перед неслужащими выгоду и пользу имели".

По Манифесту о вольности российский дворянин получил исключительное право жить в Европе и служить другим монархам, однако, "с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства нашего явились в свое Отечество... со всевозможною скоростью волю нашу исполнить под штрафом секвестра его имени".

В соответствии с пунктом 6 Манифеста, власть отныне не собиралась принудительно возвращать на службу неслужащего дворянина или употреблять его "к каким-либо земским делам". Тем не менее "при особой надобности" и по именному указу "за подписанием Нашей собственной руки" любая отставка могла быть прервана. К тому же ежегодно на местах предполагалось выбирать из неслужащих дворян 30 человек для "надобностей Сената" и 20 человек для "оного Конторы", "а выбранным высылку учинять".

Введенный Петром I принцип обязательной службы и неукоснительного приобретения знаний, необходимых для выполнения этой государственной повинности, сохранял в тексте Манифеста свою актуальность. Все представители высшего сословия должны были отчитываться перед престолом, чему их дети "до двенадцатилетнего возраста обучены, и где далее науки продолжать желают... чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким нашим гневом".

Таким образом, при внимательном прочтении Манифест о вольности дворянства оказывался документом, призванным не столько провозгласить новые привилегии высшего сословия, сколько усилить воздействие на мотивацию его представителей в нужном для абсолютизма направлении¹⁹. Создается впечатление, что все перечисленные инструкции должны были в конечном итоге повысить престиж образования, усилить авторитет чинов и обострить конкурентную борьбу за них в среде дворянства. Не случайно документ, отменяющий обязательный характер государственной службы, заканчивался требовательным призывом продолжать ее со всей "верноподданнической верностью и усердием", всячески готовить к службе детей, а уклоняющихся от нее "презирать". "Мы надеемся, что все благородное российское дворянство... по своей к

нам всеподданнической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать, и честным и неззорным образом оную по крайней возможности продолжать, не меньше и детей своих

с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели... тех мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам Отечества повелеваем". Совершенно очевидно, что в Манифесте о вольности дворянства речь шла прежде всего не о свободе высшего сословия и открывающихся в связи с этим перспективах, а об ожиданиях власти, точнее - более высоком пороге этих ожиданий.

В целом Манифест представляется достаточно противоречивым документом. По своему пафосу он был выдержан в стилистике идеологии абсолютистского государства, продолжающего видеть в господствующем классе не только привилегированное, но и "служилое" сословие²⁰. При этом главная идея Манифеста, согласно которой "все благородные российские дворяне навсегда вольностью пользоваться будут", еще более усложняла смысл государственной службы, которая и ранее трактовалась одновременно и как почетное право, и как неукоснительная обязанность. Наконец, с точки зрения конкретного законодательного обеспечения реализации дарованной дворянству привилегии это был скорее предварительный проект, чем продуманный документ, на основании которого можно было изменить порядок государственной службы целого сословия²¹.

Таким образом, Екатерина II получила в наследство от своего поверженного супруга не только весьма шаткое положение на престоле, но и документ, который требовал большой политической осмотрительности. С одной стороны, сохранялась давно назревшая потребность нового концептуального оформления отношений власти и дворянства. Документ, подписанный Петром III, содержал совершенно определенную терминологию, и поэтому господствующий класс справедливо ожидал подтверждения не новых прав и привилегий, а именно "свободы". С другой стороны, Екатерина как правитель талантливый и дальновидный интуитивно чувствовала, что необходимо, мягко обойдя понятие "вольность", выстроить новые отношения с политической элитой дворянства, не охлаждая, а, напротив, усиливая ее рвение к "служению монарху и Отечеству". Законодательство первых лет правления императрицы свидетельствует о постепенной реализации такой тактики.

Манифест от 28 июля 1762 г. "О вступлении на престол императрицы Екатерины II" содержал типовую форму "клятвенного обещания", в соответствии с которым все подданные торжественно присягали "верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться", "поступать", как положено "доброму и верному Ее Императорского Величества рабу"²². О дарованной дворянству свободе в законодательстве первых месяцев нового правления вообще не упоминалось. Зато были обнародованы 2 указа, регламентирующие службу в армии и бюрократическом аппарате. Чиновникам и судьям предписывалось воздерживаться от "лихоимства" и помнить, что они служат "Богу, монарху и Отечеству, а не чреву своему". Взывая к "обличенной совести", власть напоминала всем "мздоимцам" как о "суде Всевышнего", так и о "собственном гневе и отмщении"²³.

В Манифесте от 22 сентября 1762 г. "О подтверждении Российскому войску прав и преимуществ, дарованных императрицей Елизаветою" были проигнорированы не только ликвидация обязательного характера службы, но и все правление Петра III. Документ был направлен прежде всего на укрепление "добраго порядка", "совершенной исправности" и "дисциплины", введенных при Елизавете Петровне. Обещанные же преимущества сводились не к праву покинуть армию, а, напротив, выражались в возможности вернуться на службу всем "несправедливо в войске Нашем исключенным в отставку противу воли и желания их, тогда, когда усердие их к Нам и Отечеству бодрствовало, по единому

честолюбию служить неутомленно". Кроме того, обойденным обещались награды и повышение в чинах. Особые льготы предоставлялись унтер-офицерам, участвовавшим в Пальцигском и Франкфуртском сражениях. Завершался

стр. 25

Манифест высочайшим призывом к верноподданной службе: "Мы твердо уповаем..., что все Нам служащие не только желания своего не умалят впредь усердно Нам служить и Отечеству, но и возбудят в себе паче прежнего верность"²⁴.

Пауза с подтверждением Манифеста о вольности дворянства явно затягивалась. Осенью 1762 г. Екатерина писала Н. И. Панину: "Я запомнила давеча Вам сказать, что не много роптания меж дворянства о неконфирмации их вольности и надлежит о том не позабыть приступ сделать"²⁵. Наконец, в феврале 1763 г. вышел именной указ "О рассмотрении акта, которым Император Петр III дал вольность благородному российскому дворянству, и о приведении его содержания в лучшее совершенство". С этой целью была создана Комиссия, деятельность которой регламентировалась не четкими указаниями императрицы, а общими приоритетами новой власти. В указе речь шла не о "вольности", а о "залоге монаршего благоволения", что, по всей видимости, рассматривалось престолом как ценность более высокая, чем свобода от службы. Содержание Манифеста следовало "привести в лучшее совершенство" "на основе разумной политики". Иначе говоря, Комиссия должна была не столько разрабатывать "права свободы дворянской", сколько усилить статьи, "которые бы наивышше поощряли честолюбие к пользе и службе нашей и нашего любезного Отечества"²⁶.

Работа Комиссии всесторонне рассмотрена в исследованиях дореволюционных историков, а также в работах Л. Н. Рубинштейна, Троицкого, Р. Джоунса, Мадариаги и Омельченко. Вопрос о привилегиях дворянства поднимался на 14 заседаниях и получил свое концептуальное оформление в проектах канцлера М. И. Воронцова и руководителя Комиссии А. П. Бестужева-Рюмина, комментариях Н. И. Панина и других придворных, а также в окончательном докладе, представленном императрице в апреле 1763 г. как проект "Права дворянского"²⁷. Проведя сравнительный анализ двух проектов, замечаний Панина и текста "Права дворянского", Мадариага пришла к выводу, что в докладе "заметно стремление создать 2 самостоятельные социальные иерархии, отделить социальный статус от чина в системе государственной службы". В то же время автор отмечает неготовность Комиссии "решать фундаментальную проблему природы дворянства и его соотношения с государством". Тщательное исследование протоколов заседания Комиссии позволило Омельченко также сделать заключение об особой настойчивости элиты в отстаивании привилегированного положения высшего сословия по сравнению с положением других социальных групп в обществе, в то время как права дворянства в плоскости его отношений с государством интересовали придворных меньше²⁸.

Протоколы заседаний Комиссии, которая работала на протяжении 2 месяцев, а также подготовленный для представления императрице "Доклад о проекте Права дворянского" свидетельствуют о высокой степени зависимости сознания политической элиты от официальной идеологии. Подискутировав о привилегиях родовой и титулованной знати, о соотношении чинов и статуса высшего сословия, придворные пришли к выводу, что достоинство дворянства определяется исключительно его заслугами перед престолом. Авторы проекта воспроизвели основные идеи Манифеста о вольности, касающиеся прежде всего условий ее ограничения: "закон, по которому каждый дворянин служит и не

служит не беспредельно, но должен будет знать время и обстоятельства, в которых он может сим пожалованным правом пользоваться". Участники Комиссии абсолютно верно уловили основной пафос Манифеста, стимулирующий в сознании дворянина "побуждение к службе Е. И. В., основанное на прямом честолюбии". Создается впечатление, что главные усилия придворных законодателей были направлены на правильное понимание ожиданий и предпочтений императрицы. В конечном итоге они пришли к выводу, что любой представитель благородного сословия обязан "делать пользу государю и Отечеству" либо в качестве чиновника и офицера, либо "земледелием и экономией своею". "По таковым резонам собрание рассуждает, - говорилось в проекте, - что всемилостивейше подтвержденная свобода служить и не служить дворянину будет полезна Е. И. В., Отечеству и самим дворянам. Но дабы служба Е. И. В. не ослабела, то статья вторая и третья... будут побуждающие к службе". Завершив работу

стр. 26

над проектом, Комиссия ждала конкретных инструкций Екатерины, поскольку "законы следствием должны быть тех прав, которыми Е. В. угодно будет пожаловать российское дворянство; не зная же точно самих прав, ничего за подлинно не могут принять и за основание к сочинению законов"²⁹.

Проект "Права дворянского" Екатерина собственноручно скопировала, сделала замечания на полях и вернула его составителям через полгода. Однако высочайшие указания показали членам Комиссии слишком общими, и они так и не приступили к написанию окончательного текста³⁰. Комиссия прекратила свою работу, а императрице пришлось самой приступить к законодательному оформлению сословного статуса дворянства и политики абсолютизма в отношении господствующего класса.

Манифест о вольности не был ни отменен, ни подтвержден, хотя некоторые его положения реализовались в практике Сената и делопроизводстве Герольдмейстерской канцелярии. "Вопрос о привилегиях дворянства (их расширении и окончательном законодательном оформлении), - пишет Фаизова, - оставался открытым. Его обсуждение было продолжено сначала в созданной в декабре 1763 г. Комиссии о коммерции, затем в Уложенной комиссии и, наконец, спустя двадцать три года, в 1785 г. завершилось изданием Жалованной грамоты дворянству"³¹. Однако показательно, что именные и сенатские указы, регламентирующие порядок службы высшего сословия, сохраняли однотипное содержание и неизменную идеологическую направленность на протяжении всего царствования Екатерины, т.е. и до, и после издания Жалованной грамоты дворянству. Манифест о вольности упоминался в этих документах особенно часто в начале правления императрицы, но ссылки на него можно обнаружить и в указах 1790-х гг. Однако обстоятельства, при которых подтверждалась свобода высшего сословия, свидетельствовали о пропагандистском желании власти продемонстрировать свою стабильную приверженность закону и о завуалированном, но весьма эффективном, ограничении этой привилегии³².

"Правительствующий Сенат в общем для всех департаментов собрания" обратился к Манифесту, когда некий 52-летний актариус Николай Васильев из Кашинской воеводской канцелярии подал прошение об отставке и пенсии. Этот прилежный чиновник с самой положительной аттестацией не принадлежал, однако, к высшему сословию. Поэтому последовало распоряжение: "Как состоявшимся в 1762 году февраля 18 указом, вольность и свобода в службе, сколь долго кто быть пожелает, пожалована единственно

российскому дворянству" производить "увольнения чиновников в отставку только по совершенной неспособности к службе, если они произошли из разночинцев"³³.

Издание сенатского указа от 31 марта 1766 г. было связано с целой серией обращений дворянских недорослей в Герольдмейстерскую контору. Характерно, что в документе оговаривались только 3 ситуации - просьбы об "определении в службу", "об отпуске в дома для обучения наукам" или "для излечения болезней на время". Тем не менее вердикт выносился лишь по первым двум, вероятно, наиболее приемлемым для власти видам прошений. По первому виду челобитных следовало напоминать недорослям, "чтоб они приличным дворянству наукам обучались", стремящихся же служить надо было принимать на том основании, что "Манифестом всему благородному российскому дворянству пожалована вольность и свобода служить, где и сколь долго кто желает". Просьбы об отставке вообще не рассматривались³⁴. Однако спустя 2 года Сенату все же пришлось столкнуться с настойчивым стремлением двух недорослей Стефана Нелидова и Евстифия Кусакова не служить по причине болезней, а также в соответствии со своим законным дворянским правом. Молодым людям быстро растолковали, что "вольность и свобода служить и не служить" у них, конечно, имеется, но паспортов они не получают. Предусмотрительно с этого момента всем недорослям впредь запрещалось, "не быв нигде в службе, являться и просить об увольнении"³⁵.

Наиболее часто в Екатерининском законодательстве фигурировало не собственно право высшего сословия на свободу от обязательной государственной службы, а сформулированные в Манифесте пункты, регламентирующие и ограничивающие это право

стр. 27

в реальной жизненной практике. Главное положение Манифеста о "вольности службу продолжать" ни разу не цитировалось в указах последней трети XVIII в., зато пояснения, так или иначе препятствующие отстранению дворянина от дел, приводились весьма часто. Так, сенатский указ от 17 августа 1783 г. ограничил возможность выйти в отставку землемерам из дворян. Отныне они могли надеяться на прекращение дел лишь "по окончании летнего времени и прежде наступления весны"³⁶. В 1792 г. в указе из Военной коллегии был полностью приведен 8 пункт Манифеста о вольности, в соответствии с которым "находящихся ныне в Нашей военной службе дворян в солдатах и прочих нижних чинах менее обер-офицера, кои не дослужились офицерства, не отставлять, разве кто более 12 лет службу продолжал, то таковые получают увольнение"³⁷.

Наибольшей популярностью в Екатерининском законодательстве пользовались 2-й и 3-й пункты Манифеста, определяющие порядок чинопроизводства при отставке и возвращении на службу, а также при переходе с воинской службы в штатскую. Более того, вносилось еще несколько уточнений, подтверждающих неодобрительное отношение власти к отстранению от дел. "При отставке более одного чина не давать, да и то одним дворянам, выслужившим действительно в настоящем год". Возвращение же к делам практически аннулировало приобретенный при отставке чин, поскольку он был получен "не по старшинству будучи в службе, но единственно при увольнении от оной". Именным указом от 15 октября 1774 г. предписывалось "при вторичной отставке чинами не награждать"³⁸. Провозглашенная Манифестом практика повышения при отставке и бюрократическая сложность жесткого учета за послужным списком каждого дворянина действительно стимулировала столь легкое продвижение по чиновной лестнице³⁹.

На протяжении всего своего правления Екатерина стремилась поставить под строгий контроль систему награждения более высоким чином лишь при первой отставке. 23 апреля 1795 г. вышел указ, из которого следовало, что императрица самолично просматривает доклады Сената, содержащие списки представленных к повышению в связи с отстранением от дел. Так, например, высочайшего внимания была удостоена скромная персона "бывшего в Новгород-Северском Верховном земском суде председателем надворного советника Петра Иваненко", которому все же удалось при вторичной отставке получить чин секунд-майора. Чин за Иваненко, по всей видимости, остался, но всем присутственным местам, губернским и наместническим правлениям было приказано иметь сведения о службе, а также "порядочно и верно" составленные списки тех, кто "из отставки или из находящихся не у дел принимается к месту". Дворяне, позволившие себе воспользоваться правами, зафиксированными в Манифесте и Жалованной грамоте, отныне при возвращении на службу должны были представлять "подлинные увольнительные указы, паспорта или аттестаты"⁴⁰.

Таким образом, дарованная дворянству свобода от обязательного характера государственной службы, провозглашенная в Манифесте и подтвержденная в Жалованной грамоте, на деле не приветствовалась властью, что проявлялось и в целенаправленном ограничении возможностей получить отставку, и в явном идеологическом порицании отстранения от дел, которое "не приносит ни частной, ни общественной пользы, но только умножает число праздношатающих тунеядцев"⁴¹. Наиболее приемлемым аргументом ухода со службы официально признавалась временная отставка "для обучения наукам" или по причине тяжелой болезни⁴². Однако отстранение дворянина от дел под предлогом недугов вызывало все большее недоверие, поскольку среди вышедших в отставку могли оказаться и ловкие карьеристы, стремящиеся, "не служа, чины получать". В связи с этим 19 мая 1775 г. был издан сенатский указ "О представлении в Сенат для смотра дворян, просящихся за болезнью в отставку с награждением чинов и о приложении отсутствующим из них при прошениях свидетельств об их болезнях"⁴³.

Сенат постоянно требовал от Герольдмейстерской канторы, всех канцелярий и присутственных мест генеральных именных списков служащих и неслужащих дворян "по прилагаемой форме". Форма, разумеется, далеко не всегда соблюдалась, однако в идеале власть должна была располагать следующей информацией о каждом дворяни-

стр. 28

не: "кто из них к делам годится... из каких чинов, и сколько имеет за собою... душ людей... вступление в службу какими чинами... в походах и у дела противу неприятеля был ли или не был... к продолжению статской службы достоин или нет и... достоин ли к повышению"⁴⁴. Кроме того, дворянину, "в статской службе обращающемуся", полагалось иметь аттестат о своей службе с подробным описанием "каким кто достоинством и особливою заслугою или же, напротив, пороком и погрешностию службу свою производил, также и за что, когда и как награжден исправляем или наказан был"⁴⁵.

Довольно часто повторяющиеся сенатские указы, требующие четкого оформления послужных списков⁴⁶, свидетельствовали не только о недостаточном "радении" канцеляристов, которых нужно было стимулировать новыми постановлениями. Власть так же, как и в начале XVIII в., настойчиво стремилась поставить под жесткий контроль служебную карьеру каждого дворянина, с той только разницей, что к концу столетия роль петровских смотров начали выполнять аттестаты, а непосредственный диктат уступил

место непосредственному воздействию на честолюбивые чувства представителей высшего сословия. В законодательстве постоянно упоминалось, что "за недостатком надлежащих известий о верной и беспорочной службе могут входить в произвождение... такие, которых худые свойства и худое поведение... должны б служить справедливым к тому препятствием, для сохранения в каждом любочестия и ревности к службе Ее Императорского Величества"⁴⁷.

Таким образом, послужные списки, аттестаты, абшиды⁴⁸, явные преимущества в продвижении по карьерной лестнице для тех, кто ни разу не выходил в отставку, так или иначе усиливали в среде высшего сословия конкурентную борьбу за чины, "благоволение начальствующих" и милость императрицы. Безусловно, дворяне пользовались неоспоримыми привилегиями, несмотря на принцип личной выслуги, введенный Табелью о рангах. На протяжении всего правления Екатерины II издавались указы "о требовании в присутственные места о дворянских фамилиях свидетельств от Герольдии", "о непредставлении воинским командам дворян в офицеры, не получив о подлинном дворянстве их от Герольдии сведения", "о представлении из присутственных мест в Сенат о военных офицерах, поступающих в осьмой класс, кои о дворянстве доказательств не имеют" и т.д.⁴⁹ Однако в сословном законодательстве речь шла не собственно о правах дворян, а об их главной привилегии - ревностно служить императору и Отечеству. Иначе говоря, служащий дворянин находился под особым покровительством власти. Помещик, домогающийся отставки, чиновник или военный, посмеявшийся неоднократно воспользоваться вольностью дворянства, недоросль, вообще не собирающийся служить, не могли рассчитывать на благосклонность престола. Не случайно, сведения, подтверждающие дворянство, должны были включать "родословие, в котором по крайней мере фамилия была доведена до деда, с прописанием службы каждого предка... имел ли кто какие жалованные грамоты от государей, с которых и копии с засвидетельствованием прилагать"⁵⁰.

Таким образом, дворянское достоинство напрямую связывалось с чинами и царской милостью. Власть стремилась всячески усиливать и поддерживать сословный гонор, основанный на привилегии "знатной службы". Ведущим критерием внутрисословной дифференциации дворянства была позиция, занимаемая группой в системе власти абсолютной монархии. Политический вес того или иного слоя в среде господствующего класса зависел от степени причастности к императорскому окружению. Не сложная система иерархической зависимости, а государево расположение объединяло прямых подданных императора. Отсутствие сложной иерархической структуры российского господствующего класса и усиливающийся авторитет власти порождали в сознании каждого дворянина ощущение личной зависимости от монарха. Корпоративная гордость благородного сословия состояла в близости к трону и приобщении к верховной власти через государственную службу.

Высокий социальный престиж государственной службы поддерживался через доминирующую ценность статуса и должности в сознании дворянства. Дарованный императорской властью чин, потеснив родовое достоинство, выступал главным показате-

лем сословной иерархии, задавал основные критерии отношения к человеку в обществе и оказывал определяющее влияние на систему самооценки личности. От положения на чиновной лестнице зависел весь образ жизни дворянина и его семьи. Количество лошадей

в экипаже, ливреи лакеев, место во время службы в церкви - все определялось бюрократическим статусом и милостью императрицы⁵¹.

Целенаправленные исследования собственно нормативной части Манифеста и практики службы высшего сословия после опубликования документа привели многих специалистов к неожиданному, на первый взгляд, выводу о готовности дворянства в большинстве своем оставаться на службе и после отмены ее обязательного характера⁵². Более того, признавая отсутствие стремительного роста числа отставок после издания Манифеста, специалисты отмечают при этом одобрительную и порой восторженную реакцию дворянства на Манифест о вольности⁵³. Американский историк Р. Джоунс, справедливо проводя грань между эмоциями и поступком, пишет, что многие представители дворянства праздновали обнародование Манифеста, хотя не имели намерений использовать права, дарованные им⁵⁴. К несколько иным выводам приходит И. В. Фаизова, предпринявшая попытку на основе массовой документации об отставках проанализировать реализацию Манифеста о вольности в практике государственной службы в первое десятилетие его существования. Автор отмечает, что Манифест о вольности "прочно вошел тогда в практику дворянской службы и стал неотъемлемой частью сословной психологии дворянства". После февраля 1762 г. дворяне аргументировали свои прошения об отставках не столько такими обстоятельствами, как старость или болезнь, сколько своим законным правом покинуть службу. Этот факт, однако, еще не свидетельствует о том, что государственная служба утратила привлекательность в глазах высшего сословия. Собственно и материал, приведенный в исследовании, подтверждает готовность дворянства по тем или иным причинам продолжать борьбу за чины, установленные Табелью о рангах, несмотря на открывшуюся возможность стать свободным помещиком⁵⁵. Фаизова отмечает также, что "осуществить право выбора между службой и отставкой для многих дворян оказалось труднее, чем можно было предполагать до того, как Манифест стал реальностью"⁵⁶.

Самодержавие всячески поддерживало стремление дворянина "придать большую значимость своей карьере"⁵⁷ и поощряло "честолюбие к пользе службы и прибытка империи Ее Императорского Величества"⁵⁸. Приверженность дворянства "богоугодному и достохвальному" делу государственной службы стимулировалась и реальными материальными благами. Однако ценность наград измерялась не столько их номинальной стоимостью, сколько степенью престижности. Своеручно врученная табакерка с портретом императрицы могла для сановника значить больше, чем пожалование деревни.

Власть умело сочетала все перечисленные рычаги воздействия на сознание подданного - за "ревностным исполнением долга" следовало повышение в чине, ранг подкреплялся щедрым пожалованием, а высочайшее расположение материализовывалось в деревнях, должностях и лентах. Механизм подобной социальной регуляции призван был функционировать безотказно, поскольку он не только апеллировал к стремлению обладать престижной мерой богатства, но и порождал у дворянина высокую самооценку, горделивое чувство причастности к власти, господствующему классу, сильному государству.

Терминологические сопоставления документов дворянского законодательства обнаруживают поразительную стабильность идеологической составляющей политики власти в отношении господствующего класса. Спустя более 20 лет после отмены обязательного характера службы и более 60 лет после провозглашения Табели о рангах основные положения этого знаменитого Петровского документа продолжали оставаться главным принципом структурирования высшего сословия. В "Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства" 1785 г. также был сформулирован приоритет последовательного прохождения всех рангов на основе личной выслуги:

бы". Как и во времена правления Петра I, единственным показателем знатности в Жалованной грамоте признавалась служба государю: "Достигают же до вышних степеней те российского дворянства знаменитые особы, кои отличаются... службою". И точно так же монаршая милость оставалась главным источником родового достоинства: "Обыкла Россия исстари видеть службы, верность, усердие... Сему свидетельства подлинные находятся в древнейших поколениях родов нашего подданного российского дворянства". В Жалованной грамоте подтверждались привилегии, дарованные Манифестом о вольности 1762 г., однако при более внимательном прочтении обнаруживалось, что по-прежнему главной привилегией дворянства оставалась привилегия служить государю. Возможность отставки не исключалась, но оговаривалась целым рядом условий и, в конечном итоге, ставилась в прямую зависимость от воли императора: "Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам... Но как благородное дворянское название и достоинство... приобретается службою... для того во всякое российскому самодержавию нужное время... всякой благородной дворянин обязан по первому позыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной"⁵⁹.

Однако процесс воспитания государственного сознания дворянина, получивший мощный импульс во время петровского царствования и завершившийся в годы правления Екатерины II, имел и непредсказуемые для власти последствия. Постепенное формирование представления о службе как о добровольно исполняемом высшем долге благородного сословия, отсутствие жесткого принуждения и телесных наказаний, доступ к образованию и изысканному образу жизни создавали у дворянства, точнее - у элиты высшего сословия, особое мироощущение. К концу XVIII в. круг политиков, военачальников, поэтов и ученых разросся до целого слоя, представители которого уже претендовали на идейное лидерство и заявляли о собственном понимании "общего блага". Так или иначе, провозглашенная возможность отставки расширяла приватную сферу и стимулировала возникновение фигуры "частного человека". В золотой век Екатерининского царствования среди блестящих вельмож, государственных мужей, фаворитов, людей "в случае" появилось качественно иное явление "частного человека", названного позже литературоведами "лишним человеком". "Частный человек" в России рубежа XVIII-XIX вв., неожиданное для власти порождение Манифеста о вольности, относился к меньшинству, не понятому светской массой и не одобренному престолом. Вольно или невольно он противопоставлял себя, свой частный интерес могучему имперскому интересу, с его прекрасно разработанной идеологией, определяющей вербализированные ценности большинства. Через его самоопределение происходило постепенное высвобождение сферы личностного существования российского дворянина и формирование первых поколений русской интеллигенции.

Примечания

¹ См., напр.: Омельченко О. А. "Законная монархия" Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 58. 198.

² См.: О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. С. 77 - 78.

³ См., напр.: Мыльников А. С. Искушение чудом: "Русский принц и самозванцы". Л., 1991. С. 51 - 57; его же. "Он не похож на государя...". Петр III. Повествование в документах и версиях. СПб., С. 194 - 196; Leonard C.S. The Reputation of Peter III // Russian Review. 1988. Vol. 47. P. 263 - 292.

⁴ См., напр.: Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 186 - 187; Фаизова И. В. "Манифест о вольности" и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 8.

⁵ Б. Н. Миронов считает, что "выгодная экономическая конъюнктура", вызванная "российской революцией цен в XVIII веке", еще более стимулировала настойчивое желание владельцев имений выйти в отставку и лично развивать свое хозяйство (см.: Миронов Б. Н. Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // История СССР. 1991. N 1. С. 98).

стр. 31

⁶ Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754 - 1766 гг. и ее проект нового Уложения "О состоянии подданных вообще" // Исторические записки. Т. 38. М., 1951; Коган Ю. Я. Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.

⁷ Фаизова И. В. Указ. соч. С. 94 - 95. См. также: Наумов В. А. Петр III. Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На Российском престоле. 1725 - 1796. М., 1993. С. 283 - 326.

⁸ См.: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 365; Raeff M. The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow // American Historical Review. 1970. Vol. LXXV. N 5. P. 1291 - 1294. См. также: Jones R.E. The Emancipation of the Russian Nobility: 1762 - 1785. Princeton, NJ. 1973. P. 27, 33 - 35; Фаизова И. В. Указ. соч. С. 95.

⁹ См.: Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762 - 1855. СПб., 1906. С. 4; Jones R.E. The Emancipation of the Russian Nobility. P. 27; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2000. С. 377 - 378.

¹⁰ См., напр.: Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине второй. М., 1802. С. 110, 141; его же. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 39; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 4 // Сочинения в 8 т. Т. IV. М., 1958; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 140; и др.

¹¹ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 82. См. также: Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные // Сочинения. Т. 1. СПб., 1909. С. 220 - 234; Троицкий С. М. К проблеме консолидации дворянства // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М., 1974. С. 128 - 151.

¹² Омельченко О. А. Указ. соч. С. 59.

¹³ См.: Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 137 - 154; Мыльников А. С "Он не похож на государя...". С. 69 - 71; Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 82 - 84, 377 - 379; и др.

¹⁴ Как отмечает А. Б. Каменский, "появление Манифеста должно было оказать серьезное воздействие и на русское общество в целом; в обиход вошли и в нем закрепились новые понятия, категории и реалии" (см.: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 309). Однако автор не поясняет, какие именно понятия зародились в русском обществе и какие источники свидетельствуют об этом.

¹⁵ По поводу авторства Манифеста среди специалистов нет единодушия (См., напр.: Соловьев СМ. История России с древнейших времен. Т. XIII. М., 1962. С. 12 - 14; Вернадский Г. В. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754 - 1766 гг. // Историческое обозрение. Т. 20. 1915. С. 55 - 58). Большинство ученых полагают, что текст этого документа имеет непосредственное отношение к деятельности Уложенной комиссии 1754 - 1766 гг. и представляет собой часть одной из глав будущего проекта. В качестве непосредственных авторов текста документа в историографии приводятся имена генерал-прокурора А. И. Глебова, Д. В. Волкова, Р. И. Воронцова (См., напр.: Штелин Я. Я. Записки // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. 4. Отд. V. С. 98). Омельченко полагает, что новый закон был выражением программы "аристократически-дворянского либерализма", хотя, к сожалению, не дает разъяснения этого понятия (см.: Омельченко О. А. Указ. соч. С. 59). Представляется, что если идеологическая позиция составителей Манифеста и выражала взгляды дворянской политической элиты, то явно лишь той ее части, которая находилась под мощным воздействием государственной абсолютистской доктрины.

¹⁶ Вызывает недоумение тот факт, что при достаточно обширной историографии Манифеста о вольности дворянства отсутствуют работы, в которых были бы детально проанализированы содержание, терминология, стилистика и политическая мотивация этого документа.

¹⁷ ПСЗ-I. Т. 15. N 11444. Ниже приводятся цитаты из Манифеста о вольности дворянства.

¹⁸ Характерно, что освобождение дворян от принудительной государственной службы обосновывалось их просвещенностью. Данный тезис был созвучен аргументации сохранения крепостной зависимости "невежественных крестьян", которая доминировала и в официальной идеологии, и в повседневном мышлении помещиков.

¹⁹ Р. Джоунс отмечал, что главным предметом Манифеста было не собственно дворянское сословие, а его отношение к службе (см.: Jones R.E. The Emancipation of the Russian Nobility. P. 32).

²⁰ Сходную точку зрения высказывает Мыльников (см.: Мыльников А. С. Испытание чудом: "Русский принц и самозванцы". С. 51 - 57).

²¹ И. В. Фаизова отмечает, что "ярким примером неоднозначно сформулированного законоположения является статья 8 Манифеста. Она допускала увольнение от службы дворян, не имевших обер-офицерских чинов, лишь при наличии двенадцатилетней выслуги. Из текста Манифеста оставалось неясным, относится это положение лишь к тем,

кто поступил на службу до его подписания, или сохраняет силу и для тех, кто начнет службу после 18 февраля 1762 г. Вследствие этого статья в разное время трактовалась по-разному" (см.: Фаизова И. В. Указ. соч. С. 18).

²² ПСЗ-I. Т. 16. N 11582.

²³ Там же. N 11616.

²⁴ Там же. N 11618.

²⁵ Сборник Русского исторического общества. Т. 7. СПб., 1871. С. 233.

²⁶ ПСЗ-1. Т. 16. N 11751.

²⁷ Материалы работы Комиссии сохранились в фондах 10 и 16 РГАДА. Проект М. И. Воронцова "Пункты для обсуждения вольности дворянства" опубликован: Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 518- 519. Черновой вариант проекта с пометками на полях Екатерины был напечатан А. Н. Куломзиным (см.:

стр. 32

Куломзин А. Н. Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению высочайшей грамоты дворянству российскому // Материалы для истории русского дворянства. Вып. II. СПб., 1885. С. 26 - 34). Окончательный текст доклада, представленный императрице в апреле 1763 г. и собственноручно ею переписанный, был частично представлен в Сборнике Русского исторического общества (Т. 7. СПб., 1871. С. 238 - 265). Наиболее полная публикация не только проектов Комиссии, но и протоколов ее заседаний принадлежит Омельченко (см.: Омельченко О. А. Императорское Собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской). М., 2001).

²⁸ См.: Мадариага И. Указ. соч. С. 137 - 154; Омельченко О. А. Указ. соч. С. 200 - 205.

²⁹ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 235, ч. 1, л. 244 - 275; ч. 2, л. 203 - 258 об. См. также: Омельченко О. А. Императорское Собрание 1763 г. С. 118 - 137.

³⁰ РГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 20, ч. 1, л. 3 - 40. См. также: Омельченко О. А. Императорское Собрание 1763 г. С. 149 - 150.

³¹ Фаизова И. В. Указ. соч. С. 101.

³² Манифест о вольности дворянства фигурировал в Екатерининском законодательстве также потому, что прошения об отставках дворяне мотивировали не только состоянием здоровья, старостью, но также законным правом высшего сословия на свободу от обязательного характера государственной службы.

³³ ПСЗ-1. Т. 17. N 12535.

³⁴ Там же. N 12610.

³⁵ Там же. Т. 18. N 13087.

³⁶ Там же. Т. 21. N 15817.

³⁷ Там же. Т. 23. N 17073. Однако и при отсутствии так называемых "компаний" уйти со службы сразу после подачи прошения было нельзя. Для начала необходимо было "сдать по порядку должность свою" (Там же. N 17415).

³⁸ См. также: Там же. Т. 20. N 14353; Т. 23. N 17073.

³⁹ Неполная информация, содержащаяся в списках, поступающих в Герольдмейстерскую контору, позволяла "вторично в службу вступившим" просить "опять об отставке от оной с награждением чинов". В 1775 г. Сенат вновь потребовал четкости в оформлении послужных ведомостей (Там же. Т. 20. N 14353). См. также: Т. 19. N 13452; Т. 23. N 16930.

⁴⁰ Там же. Т. 23. N 17321; 16946.

⁴¹ Там же. N 17073.

⁴² См.: Там же. Т. 17. N 12610; Т. 18. N 13087.

⁴³ Там же. Т. 20. N 14325. См. также: Т. 19. N 13452.

⁴⁴ Там же. Т. 19. N 13690.

⁴⁵ Там же. Т. 20. N 12104.

⁴⁶ См., напр.: Т. 19. N 13690. (31 октября 1771 г.); Т. 20. N 14353. (31 июля 1775 г.); Т. 23. N 17197. (19 апреля 1794 г.); N 17216. (15 июня 1794 г.); N 17321. (23 апреля 1795 г.); N 17390. (Без числа, сентябрь 1795 г.).

⁴⁷ Там же. Т. 20. N 12104. В 1790 г. именным указом, в котором речь шла об "одобрении людей достойных и способных", приказывалось - "дабы не заградить таковым пути к преимущественному пред прочими возвышению по представлениям их начальства давать чины... по точным доказательствам прилежности, особенного искусства и успеха в делах" (Там же. Т. 23. N 16930).

⁴⁸ Документ, полагающийся при увольнении со службы (от нем. *der Abschied* (прощание)).

⁴⁹ ПСЗ-I. Т. 19. N 13577; N 14188; Т. 23. N 17105. См. также: "об увольнении чиновников в отставку только по совершенной неспособности к службе, если произошли из разночинцев", "об определении дворян в военную службу с предъявлением доказательств о дворянстве от Герольдии" (Там же. Т. 17. N 12535; N 12610).

⁵⁰ Там же. Т. 20. N 14612.

⁵¹ См., напр.: Там же. N 14391.

⁵² Троицкий С. М. Указ. соч. С. 232; Jones R.E. *The Emancipation of the Russian Nobility*. P. 40; Madariaga I. *Catherin the Greate: A short History*. New Haven; L., 1990. P. 15, 120 и др.

⁵³ Замечу, что не все историки разделяют эту доминирующую в историографии точку зрения. Н. Д. Чечулин, А. Корф, Ю. В. Готье отмечали стремление дворянства в свои имения, что в конечном итоге привело к огромным переменам в жизни провинции (Корф

С. А. Указ. соч.; Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины П. Т. II. М., 1941; Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889).

⁵⁴ Jones R.E. The Emancipation of the Russian Nobility. P. 40.

⁵⁵ "Дворяне-чиновники, - пишет Фаизова, - значительная часть которых зависела от получаемого жалованья, оставляли службу главным образом по старости и болезни при наличии собственных источников пропитания и вряд ли особенно тяготились служебными обязанностями". В свою очередь, вышедшие в отставку после издания Манифеста неимущие дворяне, лишённые собственных источников существования, и потеряв государственное жалованье, "осаждали Сенат просьбами определить к делам для пропитания" (см.: Фаизова И. В. Указ. соч. С. 17, 94, 106, 171 и др.).

⁵⁶ Там же. С. 171.

⁵⁷ См.: Письмо А. А. Безбородко П. В. Завадовскому. 1792 г., январь // Архив князя Воронцова. Кн. 13. М., 1879. С. 250.

⁵⁸ ПСЗ-I. Т. 16. N 11751. С. 157.

⁵⁹ О дворянстве. СПб., 1808. С. II-IV.

стр. 33